

УДК 94/99

БОРЬБА С ДЕЗЕРТИРСТВОМ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННОЙ РАБОТЫ МЕСТНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

ЯЦЕНКО Константин Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России,
Курский государственный университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена одному из направлений военно-мобилизационной работы в годы Великой Отечественной войны: борьбе с дезертирством и уклонением от военной службы. В прифронтовой Курской области, оказавшейся в эпицентре важных событий войны, местные партийно-государственные структуры организовали разнообразную деятельность по борьбе с дезертирством, координируя усилия военкоматов, органов внутренних дел, истребительных батальонов, привлекая к решению этой задачи местное население. Эта работа была важна не только для обеспечения нормального хода мобилизационных мероприятий, она способствовала поддержанию безопасности ближайшего тыла действующей армии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая Отечественная война, Курская область, дезертирство, уклонение от военной службы, местные государственные и партийные органы.

THE FIGHT AGAINST DESERTING AS AN INTEGRAL PART OF THE MILITARY-MOBILIZATION WORK OF LOCAL GOVERNMENT AND PARTY ORGANS IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE MATERIAL OF KURSK REGION)

YATSENKO K.V.,
Dr. Hist. Sci., Professor, Head of the Department of Russian History,
Kursk State University

ABSTRACT. The article is devoted to one of the directions of the military-mobilization work during the years of the Great Patriotic War: the fight against desertion and evasion from military service. In the front-line Kursk region, which turned out to be at the epicenter of important events of the war, local party-state structures organized various activities to combat desertion, coordinating the efforts of military registration and enlistment offices, internal affairs agencies, and fighter battalions, involving the local population in this task. This work was important not only to ensure the normal course of mobilization measures, but also contributed to maintaining the security of the nearest rear of the active army.

KEY WORDS: Great Patriotic War, Kursk Region, desertion, evasion of military service, local state and party bodies.

Всякая армия, ведущая кровопролитные бои, нуждается в постоянном пополнении своих рядов. Эту потребность на протяжении всей Великой Отечественной войны испытывала и Красная армия – в связи с необходимостью восполнения боевых потерь, комплектования вновь формируемых частей, создания резервов. Поэтому одним из важнейших направлений деятельности органов власти в этот период была военно-мобилизационная работа, проводившаяся с целью изыскания людских резервов и направления их на фронт. Она включала в себя решение целого комплекса задач: проведение мобилизаций и очередных призывов в Красную армию; организацию переосвидетельствований и перерегистраций военнообязанных; контроль за состоянием воинского учета, за правильностью бронирования и предоставления отсрочек от призыва. Важной составной частью мобилизационной работы

в годы войны стала борьба с дезертирством и уклонением от военной службы.

Для Курской области наиболее напряженными в этом плане стали два периода: первые месяцы войны и 1943 год, вызвавший необходимость использования людских ресурсов освобожденных от оккупации территорий.

Мобилизационные мероприятия в регионе начинаются согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. В этот день в Курске была получена отправленная из Москвы в 16 ч. 47 мин. телеграмма-«молния» Народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко: «Президиумом Верховного Совета СССР объявлена мобилизация. Первый день мобилизации – двадцать третьего июня» [1, л. 193]. В целом мобилизация развертывалась при высокой активности призываемых. Явка на призывные пункты в большинстве проходила организованно, многие военнообязанные приходили в военкоматы, не дожидаясь установленного срока. Повсеместно широкий размах получила подача заявлений с просьбами напра-

© Яценко К.В., 2018

Информация для связи с авторами: kw.hist.russ@mail.ru

вить добровольцами на фронт. «Заявления пишут юноши, не подлежащие мобилизации по возрасту, девушки, старики, а иногда и целые семьи», – сообщалось в информационном записке Курского обкома партии в оргинструкторский отдел ЦК ВКП(б) [2, л. 43].

Вместе с тем, ни в коем случае не отрицая наличия значительного патриотического подъема среди мобилизуемых, обратим внимание и на другую сторону событий. Среди населения распространялись панические слухи о появлении вражеских парашютистов, переодетых в милицейскую форму, взятии немцами Ленинграда и т.д. [2, л. 118, 172]. Отмечались антисоветские, пораженческие высказывания, например: «Поздно теперь отбиваться, наконец дождался немцев, скоро они и сюда придут» (колхозник артели им. Кирова Белгородского района Тарасов), «Хотя бы скорей пришел Гитлер» (житель с. Большой Дуб Михайловского района Дугинов; кстати, это село впоследствии разделит судьбу белорусской Хатыни – оккупанты сожгут его дотла, уничтожив 99 человек) [2, л. 34, 169].

На фоне таких настроений отнюдь не единичными стали случаи уклонения от призыва в РККА и дезертирства. Кого-то на этот путь толкали трусость, малодушие, кто-то не желал воевать за советскую власть по принципиальным соображениям. Например, мобилизованный бригадир колхоза им. Кирова Фатежского района Лысенко в нетрезвом виде заявил: «Лучше пускай на месте НКВД расстреляет, чем убьют на войне». Колхозник артели «Красный пахарь» Микояновского района Прохоров заявил, что не возьмет в руки винтовку, поскольку по его религиозным убеждениям убивать нельзя. Были попытки уклониться от призыва со ссылкой на якобы плохое здоровье. В Микояновском районе 46 военнообязанных объявили себя больными, однако при медицинском обследовании 36 из них оказались здоровыми и годными к военной службе [2, л. 143, 182, 193 об.]. В ряде случаев дезертирству способствовали просчеты, допущенные самими военкоматами и партийными органами при организации отправки команд мобилизованных. На их «несерьезное отношение к подбору командного и политического состава формируемых команд» указывало бюро Курского обкома партии 9 декабря 1941 г. [3, л. 1]. Только в Свободинском районе 3 человека, назначенные старшими команд (заместитель директора Свободинской МТС Д.В. Умеренков, секретарь Посошковского сельсовета И.Ф. Алымов и бригадир колхоза «ОГПУ» П.И. Хальзев), были затем исключены из партии и арестованы – «за дезертирство, трусость и роспуск команд военнообязанных» [4, л. 17-19].

В серьезную проблему превратилось дезертирство из воинских частей. Дезертиры, в одиночку и группами, под видом отставших от своих частей и вышедших из окружения, бродили по городам и селам, вокзалам, воровали и мародерствовали. 4 сентября в Курске по заданию первого секретаря обкома партии П.И. Доронина из работников милиции и командиров 44-й запасной бригады было организовано 9 заградительных постов, которые задержали около 200 военнослужащих без документов, большая часть которых длительное время находилась в городе без прикомандирования к какому-либо воинским подразделением. У задержанных было изъято 12 автомашин, 6 пулеметов и другое имущество [5, л. 17].

К концу 1941 г. большая часть Курской области оказалась захваченной противником. Оставшиеся неоккупированными восточные районы жили жизнью прифронтовой полосы, решая массу самых раз-

ных проблем. 9 декабря 1941 г. на рассмотрение бюро обкома ВКП(б) был вынесен вопрос о борьбе с дезертирством в Скороднянском районе. Несколько днями ранее по заданию военного отдела обкома заведующий военным отделом Микояновского райкома партии И.И. Синицын провел в Скороднянском районе обследование состояния политмассовой работы с военнообязанными запасами и населением, а также борьбы с дезертирством. Результаты проверки дали ему основание для вывода о том, что данное явление имеет в обследованном районе массовый характер. Только в ходе ночных облав, проводившихся с привлечением в помощь органам НКВД и истребительному батальону военнослужащих 227-й стрелковой дивизии, было задержано 70 дезертиров. При этом в с. Холодном группа из 5 человек оказала вооруженное сопротивление, ранив одного красноармейца; дезертиры были уничтожены [6, л. 47-48].

Бюро обкома, констатировавшее неудовлетворительное состояние борьбы с дезертирством не только в Скороднянском, но и в других районах области, проанализировало причины такой ситуации, указав на просчеты, допущенные облвоенкоматом и его органами на местах. По мнению обкома, военкоматы, ограничившись проведением мобилизации, не поняли всей важности развертывания борьбы с дезертирством после от мобилизования, а также не координировали эту работу с партийными и советскими организациями [3, л. 1]. Райкомам ВКП(б) ставилось в вину ослабление политработы в массах, что не позволяло создать нетерпимое отношение к дезертирам со стороны населения, без чего серьезная борьба с этим явлением и его искоренение были невозможны. Обком потребовал активизировать борьбу с дезертирством в районах, сочетая карательные меры по отношению к дезертирам и их укрывателям с усилением политической работы, «чтобы поднять на борьбу с дезертирами само население, сельские советы, создать такие условия, чтобы дезертирам невозможно было жить в населенных пунктах района» [4, л. 27-28].

В борьбе с дезертирством особая роль отводилась истребительным батальонам из местного населения (в них входили представители партийного и советского актива, добровольцы, физически крепкие, но не подлежащие призыву в армию), создававшимся под руководством партийных структур и органов внутренних дел для поддержания безопасности тыла действующей армии. К 1 июля 1942 г. в восточных районах Курской области действовало 25 истребительных батальонов с общим количеством 2280 бойцов. В условиях относительной стабилизации линии фронта в первом полугодии 1942 г. оперативно-служебная деятельность курских истребителей заключалась главным образом в прочесывании лесов и оврагов с целью обнаружения и задержания парашютистов и дезертиров. В результате за этот период было задержано 2236 дезертиров и уклонившихся от призыва [7, л. 41].

Дальнейший ход событий привел к значительным изменениям ситуации в регионе. 28 июня 1942 г. началось новое стратегическое наступление Вермахта на советско-германском фронте, в результате которого практически вся Курская область, за исключением трех районов на северо-востоке, была оккупирована. Начало освобождения региона от оккупации пришлось уже на зиму 1943 г. В военномобилизационной работе появляется такой аспект, как привлечение в армию населения освобожденных территорий – молодежи, достигшей к этому времени необходимого для призыва возраста, лиц старших возрастов, по тем или иным причинам ос-

тававшихся под оккупацией, в том числе бывших окруженцев и военнопленных. В связи с этим предстояло провести призыв и мобилизацию в РККА военнообязанных 1893-1921 годов рождения и призывников 1922-1925 годов рождения [8, л. 100].

Мобилизация развертывалась по мере освобождения районов и восстановления советских, партийных органов, военкоматов. В феврале она проводилась уже в 46 районах [9, л. 9]. К началу Курской битвы из области в РККА было направлено 179933 человека [9, л. 86-87, 110 об.].

Вместе с тем, как и в начальный период войны, в документах фиксировались случаи дезертирства и уклонения от призыва. Например, в Обоянском районе дезертировала целая команда призванных – 300 человек; 60 человек были преданы суду военного трибунала как злостные дезертиры. Аналогичный факт имел место и в Медвенском районе. Правда, там военкому удалось исправить положение: разбежавшихся собрали, и все пять команд из района сдали людей в месте назначения в полном составе. Там же имелись случаи дезертирства из воинских частей (из 95-й танковой бригады) [10, л. 85 об., 121].

Для выявления и пресечения фактов дезертирства в том числе проводились различные переосвидетельствования, перерегистрации военнообязанных, проверки правильности бронирования и предоставления отсрочек от призыва. Так, в июне 1943 г. на основании приказа Наркома обороны № 0316 была проведена поверочная регистрация всех военнообязанных рядового и младшего начальствующего состава запаса, призывников и военнослужащих, находившихся в отпусках по болезни или ранению [11, л. 61-61 об.]. В районах Курской области в основу работы по подготовке и проведению этого мероприятия была положена директива первого секретаря обкома ВКП(б) П.И. Доронина от 15 мая 1943 г. [12, л. 23]. В состав комиссий по проведению поверочной регистрации включались, помимо работников военкоматов, представители райкомов партии, райисполкомов и райотделений НКВД; проводились инструктажи и совещания с председателями и секретарями сельсоветов, на которых им вручались приказы облвоенкомата о перерегистрации и бланки именных повесток [9, л. 65, 106, 107, 109]. В результате работы по регистрации и медпереосвидетельствованию с 1 по 25 июня по Курской области было выявлено и направлено в воинские части Красной армии: военнообязанных и призывников, не состоявших на воинском учете, – 127 человек; военнослужащих, находившихся в отпусках по болезни, но не состоявших на учете в райвоенкоматах, – 122 человека; военнообязанных и призывников, уклонившихся от призыва по мобилизации, – 53 человека; всего – 302 человека [8, л. 101].

На освобожденных территориях борьба с дезертирством приобретала особую остроту из-за связи с таким явлением, как бандитизм. Нередко дезертиры вместе со скрывавшимися пособниками фашистов, уголовными элементами собирались в банд-группы, терроризировавшие местное население. Приведем в качестве иллюстрации некоторые выдержки из писем на фронт, отправленных в 1943 г. «В нашем лесу появилась банда, ходят ночью и грабят...» (Л. Волошина, с. Городище Корочанского района). «У нас полные леса дезертиров, которые организовали банды. Ночью грабят и убивают. Может, и меня к утру не будет, так как в каждом дворе бывают, скоро всех овец подберут и остальное, и самих расстреляют...» (З. Дурицына, колхоз им. Куйбышева Фатежского района) [13, л. 11-11 об.]. При задержании дезертиры часто оказывали воо-

руженное сопротивление. Так, в мае 1943 г. в Липецке было задержано четверо военнослужащих, открывших при этом стрельбу из автоматического оружия. Они оказались дезертирами из армии. Добыв подложные документы и угнав в Курске машину, преступная группа разъезжала по городам Курской и Воронежской областей, совершая грабежи [14, л. 114].

Как и раньше, борьба с дезертирством проводилась совместно партийными и советскими органами, военкоматами, органами внутренних дел, прокуратурой. Сразу же после освобождения от оккупации в районах Курской области вновь начали создаваться истребительные батальоны. 19 марта 1943 г. по Управлению НКВД был издан приказ № 0010 о формировании истребительных батальонов в районах области и двух – в городе Курске. В результате к началу мая было организовано 34 батальона численностью 2303 бойца. В начале июня 1943 г. в области действовало уже 53 батальона, объединявших в своих рядах 3590 бойцов, через месяц эта цифра выросла до 3968 человек [15, л. 26 об.]. Вооружены они были в основном оружием, найденным на местах боев или изъятым у населения, частично – полученным со складов НКВД.

Помимо объективных трудностей при формировании истребительных батальонов было допущено немало просчетов. Во многих районах пошли по наиболее простому пути и скомплектовали батальоны в основном из числа допризывников (1926, а затем 1927 года рождения) при почти полном отсутствии партсоактива. Так, в Беловском истребительном батальоне насчитывалось 54 допризывника из 55 бойцов, в Мантуровском – 98 из 103 [16, л. 66]. Имелись проблемы и с подбором комсостава. В ряде районов к этому утнеслись формально, в результате чего в 1943 г. Управление НКВД Курской области было вынуждено снять с работы как не справившихся со своей работой командиров семи батальонов [15, л. 28-29].

В соответствии с постановлением Военного совета Воронежского фронта № 0058 от 31 мая 1943 г. «О поддержании твердого государственного порядка в тылу фронта» 14 июня бюро Курского обкома партии и облисполком наметили целый комплекс мер по борьбе с вражескими элементами – шпионами, бандитами, а также с дезертирством. Районным органам власти поручалось провести строгий учет всего постоянно проживавшего в городах и селах населения с выдачей удостоверений установленного образца; запрещалось передвижение граждан по территории области без специальных справок местных органов власти; движение местного населения в городах и селах устанавливалось с 4.00 до 22.00 часов, а в ночное время категорически воспрещалось; строго регламентировался прием на ночлег военных и гражданских лиц. Во всех населенных пунктах предписывалось организовывать дежурки во главе с уполномоченными, на которых возлагался целый ряд обязанностей, в том числе – выявлять и задерживать лиц, не имеющих соответствующих документов. Ряд задач ставился и перед истребительными батальонами: они должны были организовать охрану железнодорожных мостов и сооружений, узлов и линий связи, учреждений, предприятий; повседневное патрулирование в населенных пунктах, а также периодическое прочесывание местности – лесных массивов, оврагов, кустарников, нежилых строений, оставленных оборонительных сооружений с целью выявления и задержания враждебных элементов [17, л. 223-225].

Какова же была результативность оперативно-служебной деятельности истребительных батальо-

нов? Хорошие показатели имелись там, где по-настоящему поняли задачи истребительных батальонов и правильно организовали их работу, исходя из конкретной оперативной обстановки в районе. Один такой пример попал в обзор штаба истребительных батальонов НКВД СССР за 1943 год. 31 мая в Суджанском районе Курской области членами группы содействия местному истребительному батальону в лесу была обнаружена вооруженная бандгруппа в количестве семи человек, состоявшая из дезертиров и бывших полицейских. На основании этих данных истребительным батальоном банда была ликвидирована [18, л. 88].

Однако во многих случаях при выполнении указанных решений советскими и партийными органами не было проявлено должной оперативности. В ряде районов постановление обкома и облисполкома от 14 июня не было доведено до населения, десятидворки не организованы, патрульная служба по населенным пунктам не налажена. Об этом говорилось в обращении Управления войск НКВД по охране тыла Воронежского фронта, поступившем в конце июня 1943 г. в Курский обком ВКП(б) [19, л. 166]. Стремясь исправить положение, 16 июля областной комитет партии направил на места директивное письмо №140 за подписью секретаря обкома М.И. Захарова, а 30 августа на бюро был специально рассмотрен вопрос об усилении борьбы с дезертирством. Отмечалась недостаточность этой работы со стороны райвоенкоматов, органов НКВД, районных партийных и советских органов (в частности, в Валуйском, Шебекинском, Старооскольском, Обоянском районах). Бюро обратило внима-

ние секретарей райкомов ВКП(б) на то, что они несут полную ответственность за состояние борьбы с дезертирством и уклонением от призыва в районе, обязало их взять этот вопрос под свой непосредственный контроль и периодически на заседаниях бюро РК ВКП(б) обсуждать доклады райвоенкомов, начальников РО НКВД и председателей сельсоветов о борьбе с дезертирством на территории района. Рекомендовалось шире использовать в борьбе с дезертирством общественность села, партийно-советский актив, членов семей военнослужащих, согласовывать ее с командованием частей действующей армии и погранотрядами [12, л. 53; 20, л. 88-89].

Принятые меры дали положительный эффект, и осенью 1943 г. борьба с дезертирством в Курской области активизировалась. О масштабах этой работы дает некоторое представление следующая цифра: за период с апреля по декабрь 1943 г. в области в ходе проведения мероприятий с участием бойцов истребительных батальонов было задержано 1470 дезертиров из Красной армии и уклонившихся от военной службы [15, л. 32].

Приказом НКВД СССР № 002264 от 14 октября 1943 г. задача борьбы с дезертирством и уклонением от призыва в Красную армию и ВМФ была возложена на отделы НКВД-УНКВД по борьбе с бандитизмом [15, л. 65]. Судя по документам, эта проблема не теряла своей актуальности и в дальнейшем. В частности, за первое полугодие 1944 г. в Курской области бойцами истребительных батальонов было задержано 1223 дезертира и уклонившихся от военной службы [15, л. 165 об.].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 44.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2636.
3. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2625.
4. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2623.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2773.
6. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2787.
7. Информационный центр УМВД по Курской области (ИЦ УМВД КО). Ф. 38. Оп.1. Д. 5.
8. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 3142.
9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3136.
10. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3141.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 1133.
12. ГАОПИКО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 196.
13. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2963.
14. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 5277.
15. ИЦ УМВД КО. Ф. 38. Оп.1. Д. 7.
16. ГАОПИКО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 182.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1125.
18. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-1855. Оп. 1. Д. 2.
19. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3143.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1127.